

Эсекиель Адамовски¹
Ezequiel Adamovsky

Культурные, этнографические и классовые аспекты становления аргентинской государственности

Аннотация: В работе рассматривается политика аргентинской элиты по формированию аргентинских граждан в период интеграции страны в мировую капиталистическую систему. Особое внимание уделяется классовым и этническим аспектам этого процесса, наглядно выраженным в школьной программе «Моральное и гражданское образование». В статье также дается сравнительный анализ с аналогичными процессами, произошедшими в России XIX века.

Ключевые слова: Эсекиель Адамовски, Аргентина, гражданин, толпа, государство-нация.

Abstract: This work analyzes the activities of Argentinian elite on the formation of citizens during the period of integration into the World capitalist System. Special attention focuses on the class and ethnic aspects of this process, particularly expressed in the school educational program of "Moral and Civil education". The work also provides an comparative analysis with similar processes in Russia of the 20th century.

Keywords: Adamovsky, the citizenship of Argentina, the crowd, the nation-State.

Формирование государства предполагает не только создание правительственного аппарата с определенными характеристиками, но и соответствующих субъектов этого государства. Безличные

¹ Исследователь Национального совета по научно-техническим исследованиям (КОНИСЕТ, Аргентина), профессор кафедры истории России факультета философии и литературы университета Буэнос-Айреса; доктор исторических наук по проблемам истории славянской и восточной Европы Лондонского университета. Автор ряда работ: Euro-Orientalism: The Liberal Ideology and The Image of Russia in France, 1740–1880 – Oxford, Peter Lang, 2006–358 p.; Historia de la clase media argentina. – Buenos Aires: Ed. Planeta, 2009.–538 p.; Historia de las clases populares en la Argentina, 1880–2003. – Buenos Aires: Ed. Sudamericana, 2012.–496 p.) и статей по интеллектуальной истории России и Аргентины.

формы осуществления политической власти, которые мы называем «государством», предполагает формирование субъектов этой власти, которые должны понимать и действовать в соответствии с принятыми правилами игры. То есть проще говоря, каждый субъект-гражданин, должен признавать верховенство и суверенитет государства как высшего органа власти, признавать и уважать принятую конституцию, идентифицировать себя как составную часть создаваемого сообщества. Каждое государство должно сформировать свой «народ» из множественности жителей данной территории, контролировать и формировать его таким образом, чтобы он действовал и жил в соответствии с установленными базовыми гражданскими нормами и признавал легитимность этой государственности. Этот процесс превращения толпы в народ, в граждан является историческим процессом и предполагает огромный труд по воспитанию, образованию и даже применению в определенных случаях политического насилия.

Государство возникает как механизм осуществления политического господства в период расширения торговых отношений в качестве основного принципа организации социальной жизни. В этом смысле распространение государства как «модели» является частью глобальной экспансии мировой капиталистической системы. По этой причине характеристики каждого государства, включая процесс превращения жителей в граждан, имеют много общего. Но в то же время существуют и различия, связанные как с историческим моментом, в котором та или иная страна была включена в мировую систему, так и с конкретными поведенческими инициативами людей, населяющих эти территории. Предлагаемая работа посвящена анализу деятельности аргентинской элиты по превращению разнородных жителей страны в граждан государства в период интеграции в мировую капиталистическую систему. Особое внимание уделяется классовым и этническим аспектам проблемы, особенно явно обозначенных в программе школьного образования «Моральное и гражданское образование».

Народ и аргентинское государство.

После окончания войны за независимость (1810 - 1826) в Объединенных провинциях бывшего вице-королевства Рио-де-Ла-Плата произошли серьезные изменения. Вся экономика находилась в жалком состоянии ввиду прекращения поступлений драгоценных металлов из Верхнего Перу. Коллапс старого колониального ре-

жима и вакуум власти сопровождалась разрушительными войнами сначала против испанцев, а затем между региональными креольскими элитами, соперничавшими между собой в борьбе за контроль над государством. Военные лидеры и политики, сражавшиеся за независимость Ла Платы, были вынуждены привлечь на свою сторону широкие слои населения-городские низы, гаучо, индейцев, а также бывших рабов, пообещав им свободу. Позднее многие каудильо, как правило принадлежавшие к «привилегированным» слоям общества, прибегали к помощи сформированных из сельского населения и городских низов отрядов милиции (так называемые монтонерас) в межклановой борьбе между соперничавшими лидерами. Впоследствии гаучо, пеоны, индейцы и крестьяне смогли использовать эту борьбу в своих интересах².

Привлечение народных низов к участию в освободительном процессе сделало невозможным восстановление старого режима. Была нарушена прежняя социальная иерархия. В колониальные времена контроль над обществом осуществляли испанская администрация и привилегированная часть креольского населения. Это вовсе не означало, что все креолы, а уж тем более смешанные категории населения имели доступ к управлению. В середине века, незадолго до падения диктатуры Росаса (1835-1852), поэт и государственный деятель Хосе Мармоль сокрушался по поводу того, что «развращенные и темные слои общества», дерзкие «плебеи» осмелились верить в то, что «общество сломало социальные перегородки, соединяя всех в единую семью»³.

Такова была ситуация в Аргентине в середине XIX века: еще не были созданы новые политические институты, экономика была дезорганизована, региональные элиты боролись друг с другом, а низшие слои населения все более активно проявляли признаки непослушания. В такой обстановке и было начато строительство национального государства. Но для этого необходимо было осуществить ряд глубоких социальных изменений: сначала создать правовую основу и добиться политического урегулирования, которое

² Goldman N., Salvatore R. (eds.): *Caudillismos rioplatenses*. 2da ed.—Buenos Aires: Ed. Eudeba— 2005; Di Meglio G. ¡Viva el bajo pueblo! La plebe urbana de Buenos Aires y la política entre la Revolución de Mayo y el rosismo.— Buenos Aires: Ed. Prometeo —2007.

³ Mármol J. Manuela Rosas.— 8va ed.— Buenos Aires: Empresa Administradora y Reimpresora de Obras America nas, 1917; idem: *Amalia*.— 2da ed.—Buenos Aires: Imprenta Americana, 1855.— Parte I. Cap. IX.

позволило бы преодолеть региональные размежевания между элитами и осуществить контроль над своенравными народными массами. Конституция 1853 г. решила первую из указанных задач, а ряд переговоров, завершившихся созданием Лиги губернаторов, обеспечило и вторую задачу. Вместе с созданием национального государства был консолидирован единый внутренний рынок, ликвидированы внутренние таможенные барьеры, предоставлявшие провинциям право собирать налоги на товары и груз, проходивший через их территории.

Формирование государства было чрезвычайно важно для создания экспортно ориентированной экономики. С этой целью аргентинское государство приступило к искоренению коренного населения и этнических групп, захвату их земель, систематическому уничтожению их культуры, обычаев, верований и образа жизни⁴. Обратной стороной этого процесса стал масштабный процесс приватизации земли, организованный самим государством.

Национальное государство также занялось проблемой поиска и обеспечения новой экономики необходимой рабочей силой. С этой целью был принят ряд декретов, которые предусматривали превращение сельскохозяйственного населения в более мобильную рабочую силу. Однако креольское население показалось элите слишком отсталым для осуществления задуманного проекта. Поэтому были приняты меры по привлечению европейской иммиграции, более адаптированной к тем социальным отношениям и типу общества, которые предполагалось создать. За 26 лет, с 1869 по 1895 гг. общая численность населения страны достигла почти 1,8 млн. человек. Иммиграционный поток был настолько высок, что в 1914 г. почти треть жителей Аргентины (и половина населения столицы Буэнос Айреса) составляли иностранцы.

Цивилизация и варварство

Как дискуссии, проводившиеся по вопросу о том, как создать нацию, так и непосредственно конкретные решения, осуществлялись только исключительно в интересах господствующей прослойки населения. Это довольно наглядно прослеживается во всех документах того времени: политики, интеллектуалы и военная элита считали, что низшие классы были недисциплинированными и от-

⁴ Bartolomé M. A. Los pobladores del «desierto» // *Amérique Latine Histoire et Mémoire.* – 2004. Vol. 10.

сталыми слоями населения, которыми надо было управлять и которых необходимо было контролировать. С самого начала новые законы и политические институты носили явно «антиреволюционный» характер и были направлены против самостоятельных независимых действий народных масс.

В текстах авторов проекта создания аргентинской нации звучит озабоченность по поводу того, как поставить в определенные рамки волю большинства и обеспечить господство меньшинства над большинством. В конце 1830-х гг. Эстебан Эчеверрия, например, утверждал, что «суверенитет народа» должен находиться в гармонии с «разумом», так как его осуществление находится в руках наиболее «достойных, разумных» представителей сообщества, в то время как «невежественная» его часть должна находиться «под опекой и защитой законов», которые должна издавать эта просвещенная и «рациональная» часть общества⁵. Позднее Сарменто высказался более ясно: для него «народ», чью волю и интересы должны защищать политические законы, никогда не был большинством: «Когда мы говорим «народ», мы имеем в виду самых известных, активных, интеллигентных представителей господствующего класса. Мы являемся порядочными людьми. Мы принадлежим к классу патрициев; поэтому в конгрессе не должно быть ни гаучо, ни негров, ни бедных. Мы – достойные люди, то есть, патриоты»⁶. Таким образом, патриотизм, закон, разум и порядочность были связаны с представителями высшего класса, в то время как низшие слои, не обладавшие никакими добродетелями, не имели право решать вопросы управления зарождающейся нацией-страной.

В начале 1820-х гг. под руководством Бернардино Ривадавии была развернута широкая кампания по «европеизации» аргентинского общества. Аристократические литературные салоны и многие издания активно пропагандировали все то, что приходило из Англии или Франции. Даже Хуан Баутиста Альберди, главный вдохновитель Конституции 1853 года, в издававшемся им в 1837-1838 гг. журнале «La Moda» освещал новые веяния в литературе, искусстве, моде Европы и их влияние на жизнь в Буэнос-Айресе. Лозунг «европеизации» страны имел далеко идущие последствия: аргентинская элита взяла на вооружение не только слова и полити-

⁵ Echeverría E. Dogma socialista.– Buenos Aires: Estrada, 1948.– P. 157,158.

⁶ Shumway N. La invención de la Argentina.– Buenos Aires: Emecé, 1993.– P. 170.

ческие ценности либералов старого континента, но и моду, танцы, архитектуру, правила «хорошего тона» и «хорошего вкуса» на британский и французский манер.

Обратной стороной процесса «европеизации» стало откровенное презрение и забвение собственной «варварской», местной культуры. «В Америке все, что не является европейским - варварство, отмечал Альберди в 1852 году⁷. Сармьенто даже пошел дальше в своем презрении и неверии в «естественные способности своего народа»: все, что было не из Северной Европы, гневно им осуждалось, в том числе даже наследие испанцев. «Непреодолимое отвращение» испытывал он к индейцам, а креолов считал неспособными к промышленной деятельности. Мигель Кане в 1864 году сокрушался по поводу «непобедимого воинствующего духа» гаучо, которые не знают, что такое цивилизация, не прониклись идеей порядка, уважения к собственности. Висенте Фидель Лопес в начале 1870-х утверждал, что «верхние этажи» аргентинского политического здания были «построены по всем канонам и правилам английских и американских моделей», в то время как «нижняя основа», на которую опиралась вся политическая структура, была неорганична, находилась в жутком состоянии неоформленности, неопределенности, расплывчатости⁸.

«Низкое и невежественное» состояние, в котором находились аргентинские низы, Сармьенто объяснял самой природой, врожденной сутью метисного населения. Его убеждение в расовой неполноценности креольского населения четко прослеживается в рекомендациях, которые он дал Митре в 1861 году, советуя тому не беспокоиться по поводу потерь, которые несут гаучо в военных кампаниях. И то же самое пренебрежение к чужой жизни и чужой крови мы наблюдаем у Рока в период проводимой им политики геноцида индейского населения: «слабые расы должны уступить место более сильным и лучшим»⁹.

Расовая неполноценность была главным аргументом, которым

⁷ Alberdi J. B. Bases y puntos de partida para la organización política de la República Argentina.— Buenos Aires: La Cultura Argentina, 1915.— P. 83.

⁸ Pomer L. La construcción del imaginario histórico argentino.— Buenos Aires: Editores de América Latina, 1998. —P. 75, 83, 87, 91; Perez Guilhou D. Las ideas políticas de Echeverría, Alsina, V. F. López y Avellaneda / Historia y evolución de las ideas políticas y filosóficas argentinas. —Córdoba: Academia Nac. de Derecho y Ciencias Sociales de Córdoba, 2000.— P. 157-253.

⁹ Pomer L. La construcción.— P. 75, 90.

интеллектуалы во второй половине XIX и в начале XX в. пытались объяснить, почему Аргентина не была такой развитой, как Северная Америка или Европа¹⁰. Рост расистских и антинародных взглядов был обусловлен прежде всего необходимостью оправдать непопулярные меры, которые приходилось принимать для создания новой нации. Элита оправдывала свои методы как борьбу между «цивилизацией» и «варварством». «Варвару» отказывали в моральном и духовном праве на сопротивление (кто может быть против «цивилизации?»), в то время как элита свои собственные политические и экономические интересы представляла как «бескорыстное» служение интересам всего общества.

В создании и распространении этой «идеологии» либерального проекта нации большую роль сыграли две исторические личности. Оба были президентами, представителями аргентинской интеллигенции и военных. Один из них, Доминго Фаустино Сармьенто (1811-1888) наиболее ясно обозначил дилемму в своей знаменитой книге «Факундо. Цивилизация и варварство» (1845). В ней жители страны были четко разделены на две части: с одной стороны, белое просвещенное население городов (особенно Буэнос-Айреса), открытого для мира, с их европейскими манерами и стремлением добиться процветания и прогресса Аргентины. С другой - гаучо и метисы, отсталые слои населения, демагогические военные лидеры из внутренних провинций, следствие пагубного испанского наследия, изолированные от внешнего мира. Сармьенто провозгласил лозунг: «цивилизация» призвана положить конец «варварству» или с помощью военного насилия, или путем осуществления «патерналистской» политики через введение обязательного просвещения с целью создания «светского» государства (то есть государства элиты).

Другой ключевой фигурой в формировании этой идеологии был Бартоломе Митре (1821-1906). Военный, государственный и политический деятель, основатель газеты «La Nación», Митре является основоположником классической национальной аргентинской историографии. Его работы, особенно «Истории Бельграно и аргентинской независимости (1857-1887)», получившая довольно

¹⁰ Zimmermann E. A. Racial Ideas and Social Reform: Argentina, 1890-1916// *Hispanic American Historical Review*.— 1992.—Vol. 72, N 1.— P. 23-46; Solodkow D. Racismo y Nación: Conflictos y (des)armonías identitarias en el proyecto nacional sarmientino// *Decimonónica*.— 2005.— Vol. 2, N. 1.—P. 95-121.

широкую известность, как и его школьный учебник по истории Аргентины, долгое время играли решающую роль в строительстве национального государства. В этой работе Митре описывает историю борьбы за независимость аргентинского государства и долгий путь к национальной организации, рассматривая этот процесс, как переход от неорганизованного общества к обществу, где господствовали законы «прогресса». После низвержения испанского колониального господства страна была населена различными категориями жителей, лишенных той «социальной сплоченности», которую должна иметь нация. Эти «неорганизованные массы населения» были легкой добычей военных каудильо. Но существовали также «зародыши анархической, рудиментарной демократии», ожидавшей того момента, когда найдутся силы, которые смогут организовать ее в соответствии с законами и порядком. Этой силой должна была стать «высшая раса», то есть белое европейское население. Для Митре миссию по совершенствованию общества призван был осуществить определенный класс – а именно, буржуазия Буэнос-Айреса, заинтересованная в развитии торговых связей с другими странами. Для этого было необходимо создать «здоровые основы просвещенного правления». Буржуазия была «надежным ядром будущей нации», а Буэнос-Айрес стал «душой и центром этой организации»¹¹.

Таким образом, Митре предложил более утонченный вариант создания аргентинской нации, в которой большинству населения отводилась второстепенная роль, или оно попросту исключалось из этого проекта. Искаженный образ Аргентины, предложенный политиками и интеллектуалами того времени, который должен был реализовываться в рамках идеологии «прогресса» и «цивилизации», и в котором не нашлось места для коренного населения метисов и креолов, стал определяющим фактором в процессе национального созидания Аргентины во второй половине XIX века (эта модель действует и до сих пор)¹².

Формирование субъекта для демократического государства.

¹¹ Mitre B. Historia de Belgrano y de la independencia argentina.– 4ta ed., en 3 Vols.–Buenos Aires: Lajouane, 1887. Vol. I –P. 1-59; Pomer L. La construcción.– P. 14-16,19.

¹² Svampa M. El dilema argentino: civilización o barbarie.– Buenos Aires: El Cielo por Asalto, 1994.

После 1870 г. осуществление предложенного аргентинской элитой проекта создания нации-государства привело к таким глубоким и быстрым социальным изменениям, что долгое время аргентинское общество бурлило как магма в кратере вулкана. Сотни тысяч иммигрантов приехали в неизвестную страну, каждый со своим языком, культурой, обычаями, традициями. В то же время массы креольского населения переехали в города, не имея за плечами никакого опыта жизни в мегаполисах, ни ясного понимания, где найти применение своим знаниям. Ни те, ни другие не имели представления о том, кто есть кто в этом хаотическом городском пространстве.

К этому моменту относится и возникновение мощного рабочего движения. Возникшие с конца 70-х годов XIX в. стихийные и изолированные забастовки в конце 80-х гг. вылились в массовые протестные движения, объединившие в одном революционном порыве рабочих разных профессий. В 1901 г. возникло первое профсоюзное объединение; в рабочем движении господствовали идеи анархизма и социализма. Акты солидарности и взаимопомощи между различными профсоюзными организациями рабочих приобретали широкий характер. В забастовочном движении принимали участие не только рабочие, но также и домашняя прислуга, почтальоны, диспетчеры телефонных станций, парикмахеры, портные. Бастовали также служащие торговых компании, мелкие фермеры. В 1907 году арендаторы объявили голодовку против повышения арендной платы. В 1914 г. индейцы Чако выступили против тяжелой условий работы в инхениос. В 1918-1919 гг. объявили забастовку полицейские Розарио. В 1919 году, рекордному по числу забастовок, проявления солидарности между различными социальными группами и отрядами рабочих и служащих достигли своего апогея. В январе этого года в Буэнос-Айрес вспыхнула всеобщая забастовка пролетариата беспрецедентных масштабов, вошедшая в историю страны под названием «Трагической недели». Вскоре к ней присоединились в знак солидарности не только другие отряды столичных рабочих, но также рабочие всей страны. В течение недели власти не могли восстановить контроль над городом. Забастовку удалось подавить, только применив оружие. В столкновениях с полицией погибли несколько сотен рабочих. Тем не менее, забастовочное движение продолжалось еще в течение нескольких месяцев, вовлекая все более широкие слои рабочего класса.

Мощные акты солидарности вызвали серьезную озабоченность у господствующего класса. Чтобы вызвать страх у своих читате-

лей, газета «La Nación» после подавления «Трагической недели» выступила с лживыми заявлениями о том, что властям удалось предотвратить планы забастовщиков по созданию Федеральной республики Советов Аргентины¹³. Атмосферу, царившую в стране в тот период, ярко изобразила газета либерального толка «El Diario». В апреле 1919 г. в ней была опубликована статья, которая с сожалением констатировала, что все население бастует, начиная от рабочих до служащих и студентов. Всё население находилось в состоянии забастовки «вне зависимости от класса и пола»; «все требовали изменений и преобразований». Создавалось впечатление, что все жили в «государстве беспорядков», где каждый брал часть властных полномочий для исполнения своих личных прихотей и желаний», в то время как «справедливое общество», отмечал журнал, «было организовано для предотвращения подобного разобщения, которое ведет только к анархии». Короче говоря, сетовала газета, «подобное поведение свидетельствует о возникших симптомах всеобщего сумасшествия»¹⁴.

Чтобы предотвратить скатывание страны в обстановку хаоса и социальной нестабильности, революционного брожения, правящие круги страны предложили новое определение понятия гражданства. На протяжении десятилетий участие народных масс в избирательном процессе носило спекулятивный характер. Выборы проводились грязными методами и служили зачастую ареной жесточайших столкновений враждующих группировок. Нередко правящая элита мобилизовывала в свою поддержку массы простого населения, которых призывала отдавать свои голоса в поддержку своих кандидатов. Эта поддержка не была бесплатной: кандидаты и претенденты на государственные посты должны были «платить» и делать определенные уступки тем, кто их поддерживал своими головами. После 1880 г. политическая игра стала еще более закрытой, когда одной и той же группе с помощью различных избирательных манипуляций удавалось оставаться у власти от выборов к выборам. С тех пор итоги голосования всегда были просчитаны и известны заранее.

В рассматриваемый период, как мы уже говорили, народные массы смогли организовать в профсоюзные и иные организации для защиты своих интересов, прибегая к забастовкам, пикетам и уличным манифестациям. И поскольку государство воспринима-

¹³ La Nación, 13.01.1919.– P. 8,9.

¹⁴ El Diario, 11.04.1919.– P. 3; 26.04.1919.– P. 2.

лась ими как чуждая, а порой и враждебная их интересам структура, неудивительно, что идеи анархизма получили довольно широкое распространение. К угрозе «снизу» прибавлялась и другая проблема. Поскольку многие представители имущих классов начиная с 1880-х гг. все более отдалялись от участия в политической жизни, в данную эпоху идея вооруженного восстания в качестве средства достижения политической цели. В 1890 г. возник Гражданский радикальный союз (УСР), лидеры которого принадлежали к группировкам аргентинской элиты, исключенным из правящей когорты. Дважды, в 1893 и 1905 гг., УСР организовывал вооруженные «революции». Хотя все они потерпели поражение, многие представители правящей элиты испытывали страх перед подобной формой решения политических проблем, когда народные массы могли также предъявить и свои классовые требования. При все более растущей социальной напряженности нельзя было «играть с огнем», привлекая низшие слои населения к сотрудничеству и участию в «революциях сверху». Необходимо было принять четкие правила игры, «модернизировать» политическую жизнь страны, придав ей «ясные» и «цивилизованные» формы, которые должны были приняты не только всеми представителями имущего класса, но так же и народными массами.

Некоторые политики и представители интеллигенции пришли к выводу о необходимости принятия новых избирательных законов, что позволило бы создать условия для возникновения настоящих политических партий, открыто и легально конкурирующих между собой. Они надеялись, что таким образом широкие слои населения могли бы изъяслять свои претензии и требования в рамках законодательных норм, через избирательные урны. Существовала правда, опасность того, что честные выборы могут создать прецедент для перехода власти от правящей элиты в руки большинства. В своей речи в 1890 году, когда уже начался период политической нестабильности, который мог бы привести к революции, Луисо В. Лопес, вскоре назначенный министром внутренних дел, обратил внимание на угрозы, стоящие перед его классом: «Наши демократии подвергаются риску стать плебейскими и невежественными, и усилия мыслящих людей должны быть направлены на то, чтобы предотвратить разрушительные последствия этого типа демократизации... Демократии - это прежде всего уважение прав всех ветвей власти, это правительство просвещенных классов». Лопес четко объяснил, что он был не только против участия женщин в выборах (только «мужчины» имеют право голо-

са) и простых людей, но и против «новых субъектов», этих «обогатившихся проходимцев», лишенных «элементарной культуры». В качестве эффективной меры Лопес призывал пойти на «борьбу с посредственностью, космополитизмом, чтобы раз и навсегда определить модель родины»¹⁵.

Что означали эти призывы с точки зрения политики того времени? Что бы предотвратить триумф «плебейский» демократии, было необходимо тщательно разработать такие законы, которые позволили сделать вершины власти как можно менее доступными для народа. Конституции 1853 г. закрепила положение, при котором наиболее важные решения принимались не путем прямого волеизъявления народных масс, а находились в руках Сената (члены которого не избирались прямым голосованием) или «защищенного» от выборов Верховного суда. Консерваторы полагали, что режим, который хотел создать Р. Саэнс Пенья, предоставивший всем гражданам мужского пола возможность участвовать в выборах, обеспечит им контроль над ключевыми рычагами власти¹⁶.

Реформа избирательной системы (обязательное всеобщее избирательное право для муж чин, тайное голосование) предложенная президентом Саэнсом Пенья в 1912 г., вместе с первыми трудовыми законодательствами, которые начали вводиться в жизнь, обеспечили большую легитимность политической системе. Революционный анархизм профсоюзов уступил свое место тем, кто отдавал предпочтение завоеванию политического пространства через избирательные урны. Многие из рабочих, которые имели аргентинское гражданство, предпочитали отдавать свои голоса новой Социалистической партии или Гражданскому радикальному союзу. Поскольку большинство иммигрантов не спешили в определении своего гражданства, они не могли принять участия в выборах. Рабочие массы были разъединены межнациональными разногласиями, что в общем-то не было чем-то новым, но этот процесс все более углублялся. Возник разрыв между теми, кто «интегрировался» в предлагаемую систему, и теми, которые, не приняв новые порядки, подвергались репрессиям со стороны государства. Насильственные или радикальные уличные действия были исключены, так как провозглашались методами и способами поведения, недостойными «респектабельного» гражданина.

¹⁵ Garcia J.A.(ed.): Discursos académicos.– Buenos Aires:Facultad de Derecho y Ciencias Sociales (UBA), 1911.Vol. I. – P. 131-141.

¹⁶ Botana N. El orden conservador. – Buenos Aires:Sudamericana, 1994.

Создание образа «ответственного гражданина» сопровождалось интенсивной кампанией по «национализации» народных масс. В момент празднования Столетнего юбилея освобождения (1910), многие политики настаивали на необходимости осуществления государством политики воспитания в массах чувства патриотизма. Более интенсивно начали изучать национальные традиции, историю Аргентины и т.д. Этот процесс «националистической реконструкции», как назвал его чилиец Рикардо Рохас, не означал возвращения назад к кампании «европеизации», которую аргентинская элита начала сама. Просто стала поощряться переоценка некоторых национальных ценностей в стране, включая народные традиции, как способ борьбы с опасностью, которую Лопес называл «космополитизмом». В период празднования Столетнего юбилея анархисты, а затем и коммунисты, призывали трудящихся к объединению, несмотря на языковые и расовые различия. Этот «космополитизм» или «интернационализм» представлял серьезную угрозу для элиты, которая нуждалась в том, чтобы новые граждане были лояльными, испытывали уважение к государству, архитектором которого она была. Призывы к «патриотическому» воспитанию и кампании в защиту национальных ценностей были направлены на предотвращение разрушения народной солидарности, выходящей за рамки так называемых традиций нации. Для противодействия «социализму, который не имеет родины», нет ничего более лучшего, считал Р. Рохас, чем национальное образование. Необходимо было доказать, что подобные «иностранные» идеологии имели мало общего с аргентинской реальностью¹⁷.

Таким образом, образ идеального законопослушного гражданина, который элита в тот период пыталась создать, прямо отождествлялся с понятием «Родины». Однако это представление не только не совпадало с существующей реальностью и пониманием того, что представляли собой тогда народные массы, но в конечном итоге было ориентировано на то, чтобы изменить ее.

Миф о «плавильном котле»: расизм и национальная идентичность

Креолы, невежественные индейцы и метисы, представители старых и новых иммигрантов, разговаривающих на различных

¹⁷ Rojas R. Obras. – En 16 vols.– Buenos Aires:La Facultad, 1922-1925. Vol. I.– P. 243, 259;Vol. IV.– P.167.

языках, рабочие «смутьяны» и другие, которые приехали, чтобы просто «создать Америку» - чтобы всех этих жителей столь неорганизованной страны превратить в достойных граждан, необходимо было прежде всего убедить их, что все они были аргентинцами. Помимо существующих различий, необходимо было считать, что народ Аргентины был одним целым .

Чтобы создать это чувство принадлежности к одной нации, в годы празднования Столетия был создан миф о «плавильном котле», то есть о «слиянии рас». Этот миф предполагал, что все этнические группы, населявшие Аргентину, старые и новые, слились воедино и возникла «аргентинская раса», «аргентинский народ», более или менее моногенный. Казалось бы, эта идея должна была положить конец агрессивному расизму, который проповедовала элита, создавшая эту модель государства. Однако произошло обратное: неприкрытый расизм XIX века вылился в завуалированный расизм благодаря идее «плавильного котла». Интеллектуалы, которые придумали этот миф, стали проповедовать скрытую расовую иерархию. Отмечая, что все расы слились в одну, они в то же время утверждали, что это слияние привело к образованию новой расы, а именно белой – европейской. Может оттого, что численное присутствие таких этнических групп, как метисы, негры, мулаты и индейцы, было незначительно и не оставило никакого следа, или оттого, что они исчезли, поглощенные «иммиграцией», было заявлено, что аргентинец - это белый-европеец¹⁸. Таким образом в первые годы XX века и даже до недавнего времени ведущие «специалисты», исследовавшие проблему формирования аргентинской нации, следовали концепции, согласно которой Аргентина создана европейскими иммигрантами и является преимущественно страной белых. Согласно переписи 1940 г. «население с индейскими корнями» в Аргентине составляло менее 3%¹⁹. Даже переписи населения разрабатывались таким образом, чтобы минимизировать вес других этнических групп²⁰.

¹⁸ Latino A. La inmigración y su influencia en los destinos de la República Argentina // La Nación, Número especial Centenario. –1910.– P. 123-131.

¹⁹ Bunge A. Una nueva Argentina.– Madrid: Hispamérica, 1984.– P. 149.

²⁰ Ramella S. T. Una Argentina racista: Historia de las ideas acerca de su pueblo y su población (1930-1950).– Mendoza: Univ. Nac. de Cuyo, 2004; Santi I. Algunos aspectos de la representación de los inmigrantes en Argentina // *Amérique Latine Histoire et Mémoire*.–2002, N 4; Quijada M. et al. Homogeneidad y nación.– Madrid: CSIC, 2000.

Начиная с конца XIX века аргентинская литература и театр также способствовали распространению этого идеализированного образа интеграции и слияния всех рас²¹. Еще и сегодня довольно часто можно услышать известную поговорку: «перуанцы произошли от инков, мексиканцы - ацтеков, а аргентинцы пришли на кораблях». Но все это лишь иллюзия: недавние генетические исследования показали, что в крови более 50% аргентинского населения течет индейская кровь, а около 10% населения страны являются потомками африканцев. Имеются лишь региональные различия: в наиболее бедных районах присутствие жителей европейского происхождения гораздо меньше, чем в среднем по стране²².

Миф о «плавильном котле» и европейской белой Аргентине по существу является прямым продолжением той идеологии расизма, которую проповедовала элита XIX века. Боевые призывы Сармьенто и Рока к истреблению низших рас теперь заменены теми же завуалированными лозунгами, скрытыми за фасадом пропаганды идеи о существовании «европейской» Аргентины. Все аргентинцы теоретически равны, и никто не мог бы сказать, что креольский морено (метис) - менее аргентинец, чем тот, кто имел более светлую кожу; но предлагаемый мысленный образ «настоящего аргентинца» - это белый.

Здесь важно подчеркнуть, что все эти идеи способствовали формированию образа «идеального» аргентинского гражданина, образа, который не совпадает с образом реально существующих аргентинцев. Гражданин «желаемый» - это тот, который должен вести себя разумно (то есть, не принимать участия в уличных демонстрациях, как это делали многие трудящиеся). Он должен быть обязательно белым и европейского происхождения. А поскольку белые, прибывшие в страну различными иммиграционными потоками, оседали, как правило, в районе Пампы, именно они иденти-

²¹ Villanueva G. La imagen del inmigrante en la literatura argentina entre 1880 y 1910//América Latina Histoire et Mémoire.– 2000, N 1.

²² Avena S. et al. Mezcla génica en una muestra poblacional de la ciudad de Buenos Aires// Medicina.–2006, N 66.– P. 113-118; Corach D. et al.Relevant Genetic Contribution of Amerindian to the Extant Population of Argentina// International Congress Series.– 2006, N 1288.–P. 397-399; Seldin M. et al.Argentine Population Genetic Structure: Large Variance in Amerindian Contribution // American Journal of Physical Anthropology.– 2007, N 132.– P. 455-462. Согласно данным, приводимым М. Селдином, 78% населения Аргентины являются потомками европейцев, 20% - потомками коренного населения и лишь только 2,5% имеют негритянские корни.

фицировались с идеалом «типичного аргентинца». Метисное население, проживавшее преимущественно во внутренних районах страны, предпочитали вовсе «не замечать»²³. Здесь речь идет о формировании «своеобразной национальной идентичности», утверждавшей, что «быть аргентинцем» означало быть цивилизованным европейцем, при этом обязательно подчеркивалось его расовая принадлежность (белый) и район его проживания (Пампа, преимущественно Буэнос Айрес). Подобное определение «аргентинца», безусловно, создавало определенную иерархию среди жителей страны. Никто не отказывал индейцам, черным или метисам, креольским жителям внутренних районов, неграмотным жителям или рабочим в праве считаться аргентинцами. Но каждому из них ясно давали понять, каким должны быть идеальные «аргентинцы». Те, кто не достигал этого стандарта, не соответствовали идеалу «аргентинца»²⁴.

Идеал нации и образование

Школа стала одним из самых важных центров, откуда распространялся этот идеал нации и соответствующая этому идеалу классовая, культурная и расовая иерархия. Мы уже упоминали, что образовательный проект Сармьенто был задуман как часть объявленной борьбы «цивилизации» против «варварства», поэтому не удивительно, что постулаты, пропагандируемые в школе, носили довольно дискриминационный характер по отношению к индейцам, метисам и «безграмотным»²⁵. В руководстве для школьных ин-

²³ Chamosa O. Indigenous or Criollo: The Myth of White Argentina in Tucuman's Calchaqui Valley// *Hispanic American Historical Review*.– 2008. Vol. 88, N 1.– P. 71-106.

²⁴ О функционировании идеи «плавильного котла» см.: Briones C. Formaciones de alteridad: contextos globales, procesos nacionales y provinciales / *Cartografías argentinas: políticas indigenistas y formaciones provinciales de alteridad*, Buenos Aires: Antropofagia, 2005.– P. 11-44; Segato R. La nación y sus otros. Buenos Aires: Prometeo, 2007. – P. 246, 261-267. О существовании «расовой идеологии» см.: Frigerio A. Negros y Blancos en Buenos Aires: Repensando nuestras categorías raciales/ Maronese L (ed.): *Buenos Aires negra: identidad y cultura*, Buenos Aires, 2006. – P. 77-98.

²⁵ Роль школы в пропаганде образа «идеального аргентинца» рассмотрена в: Szuchman M. D. *Childhood Education and Politics in Nineteenth-Century Argentina: The Case of Buenos Aires*// *Hispanic American Historical Review*. – 1990. Vol. 70, N 1.– P. 109-138; Search of Deference: Education and Civic

спекторов от 1875 года указывалось, что задача школы - давать «нравственное образование», которое, среди прочего, должно было учить детей «послушанию, покорности, уважению к вышестоящим и начальству», быть «скромными», «преодолевать свои низменные страсти», «учиться городским манерам», не завидовать судьбе «богатых»²⁶. Почти все иллюстрации в школьных учебных пособиях изображали мужчин, женщин и детей только белого цвета кожи и подобающе одетых. Так детям преподносился национальный идеал, в котором «настоящие аргентинцы» никогда не ассоциировались с низшими социальными слоями или людьми с темным цветом кожи.

Государственные школы первых десятилетий XX века, стремясь сформировать идеального аргентинца, шли еще дальше. Курсы Гражданской и Политической морали и другие предметы были нацелены на то, чтобы распространить в начальных и средних учебных заведениях базовые понятия гражданской жизни²⁷. Учебники того периода дают ясное представление о том, как в соответствии с критериями либерализма формировался образ «идеального гражданина». Например, один из учебников 1904 г. инструктирует учащихся, что они не должны воспринимать идею патриотизма только на примере отцов-основателей и их военных подвигов, так как это может внушить детям «мысли и привычки, обратные противоположные основам гражданской жизни». Им рекомендовалось искать пример в «личной добродетели», «скромных действиях и поступках простого гражданина», «любви к полезной трудовой деятельности», которая обогащает личность и способствует процветанию Родины. Необходимо стимулировать такие добродетели, как стремление к учебе, труду, интеллектуальному самосовершенствованию. Но эти добродетели не были одинаковыми для всех: «Когда речь идет об интеллектуальном развитии или просвещении, оно должно соотносится с тем положением, которое занимает в обществе каждый человек, потому что в стране все граждане не могут быть одинаково мудрыми, и не все могут претендовать на высокое

Formation in Nineteenth-Century Buenos Aires // *Secolas Annals*.—1987. N 18. — P. 5-22.

²⁶ García Aguilera V. *Manual del preceptor argentino y del inspector de escuelas*.— Buenos Aires: Coni, 1875.—P. 61, 62, 71.

²⁷ С XIX века существовали такой предмет, как «Мораль», позднее он стал называться «Моральное и Гражданское образование, «Гражданская и Политическая мораль» и т. д.

социальное положение в обществе. В каждой нации есть люди, занимающие высокое положение и более скромное, точно также как существуют бедные и богатые. Одни имеют профессии, требующие обширных знаний, кто-то должен заниматься бизнесом, другие, работать в сфере торговли, промышленности, животноводстве, сельском хозяйстве или владеть другими скромными профессиями». Может показаться, что это высказывание означает, что все, и богатые и бедные, вносят свой вклад в процветание и возвеличение государства, однако глава, посвященная исследованию «Прогрессивного духа», все ставит на свои места. В ней автор учебника восхваляет «промышленника», «фермера», «животновод», то есть «предприимчивого человека», а также «государственного деятеля» и «интеллектуала», потому что их деятельность способствуют национальному прогрессу. Но о простых трудящихся не говорится ни слова. Руководство инструктирует школьников, что политические партии никогда не должны прибегать к «насильственным средствам», а проповедовать «либеральные принципы»²⁸.

Такого рода инструкции, проповедовавшие индивидуальное экономическое процветание, социальное и гендерное неравенство, политический либерализм, поиск счастья в семье и семейной жизни, идентифицировавшие нацию лишь с представителями мужского пола из состоятельных слоев населения, были обычным явлением в учебниках и в последующие годы. «Принцип индивидуализма» и «частная собственность», проповедуемая либерализмом, являлись фундаментальными основами социального порядка, по-скольку были ориентированы на дальнейшее развитие и совершенствование «индивидуальных добродетелей», благодаря развитию которых «все общество в целом станет более достойным, процветающим и прогрессивным». В то же время «галитарная демократия», проповедуемая коммунистами, признавалась пригодной лишь для примитивных азиатских народов, но не для европейцев, к коим аргентинцы причисляли себя.

Расовый вопрос занимает важное место в данном руководстве. Автор утверждает, что «аргентинская нация была сформирована из слияния самых великих и лучших рас мира», то есть европейских. Представители «коренного индейского населения, а также негры,

²⁸ Antuña E. M. *Moral Cívica: Desarrollo de temas sobre los deberes del ciudadano al alcance de los niños de las escuelas comunes.*— Buenos Aires: Cabaut & Cía, 1904.— P. VI-VII, 33,45,75-77, 88,89.

не оставили никакого следа в нашей культуре», – подчеркивал он. В учебнике откровенно восхваляется иммигрантское население, которое привнесло выкованную веками моральную культуру, передовые экономические и трудовые навыки, любовь к семье и порядку; «необходимо достойно оценить вклад этой прекрасной части населения нашей страны, которая формирует привычки и характер европейских народов»²⁹.

Другое школьное руководство этого же периода еще более наглядно демонстрирует модель идеального аргентинского гражданина. Говоря о достоинствах и дефектах аргентинцев, он устанавливает иерархию «достоинств» в соответствии с их социальным статусом: «Можно утверждать, не боясь ошибиться, что народным слоям, которое живут в тяжелых условиях, в среде, где процветает зло, сложнее воспринимать идеи просвещения и образования, у них нет таких возможностей, как у представителей богатых, имущих слоев населения, способных обеспечить все то, что дает личности возможность утвердить моральный и духовный облик, свое личное достоинство, свою самооценку, то есть все те атрибуты, которые выражаются одним словом – достоинство». Социальная иерархия в прошлом и настоящем была ясна: идеальный аргентинец был и оставался мужчиной из имущих слоев населения, а «приличная» женщина, как правило, должна охранять домашний очаг, подчиняться мужчине и олицетворять в семье полицию нравов»³⁰. Инструкции расового и политического характера также часто появлялись в учебниках начального образования: в одном из них в разделе «Человеческие расы» проповедовалась идея о том, что «европейцы – это самые «умные» представители человечества (на это указывали исследования размеров головного мозга и их тяга к прогрессу), в то время как в рубрике «Труд» критиковались социалистические идеи и проповедовалось уважение к частной

²⁹ O'Dena E. L. *Moral Cívica y Política*.– Buenos Aires: Librería Nacional, 1909. –P.11, 32-39, 60,61, 181-191.

³⁰ Ezquier A.M. *Curso de Moral Cívica y Política*.– Buenos Aires: Librería de Mayo, 1910.–P. 182-222; Sisson E. D. *Moral patriótica*.– Buenos Aires: s./e., 1910; NELSON, E. *Moral y Civismo*.– Buenos Aires: Kapelusz, s./f. (c.1935); Интересны инструкции относительно «функции школы», содержащиеся в брошюре: *A los maestros de las escuelas públicas*. –Bs. As., La Plata: Dirección Gral. de Escuelas de la Pcia,1923.

собственности и работодателям³¹.

Помимо этих инструкций относительно того, каким должен быть аргентинский гражданин, учащиеся также получали понятия о «воспитанности» и хороших манерах. В рубрике «Воспитанность и учтивость», опубликованной в учебнике для начальных школ, неоднократно переиздававшийся вплоть до 20-х гг., давались советы по поводу соблюдения правил личной гигиены и опрятности, о манере одеваться, о поведении на улицах и в гостях за столом. Все они были призваны упорядочить навязываемую социальную иерархию: нельзя хвастаться своим богатством, так как тебя могут счесть за выскочку; в гостях нельзя вести себя слишком любезно со слугами; необходимо всегда различать социальное положение людей, чтобы установить подобающую каждому манеру поведения при общении с ними; если разговариваете с женщинами или уважаемыми людьми, нельзя никогда отвечать просто «да» или «нет», надо говорить «да, сеньор» или «нет, сеньора» и т.д.³².

Заключение.

Таким образом, через различные каналы, среди которых школа была главным и определяющим элементом, элита распространяла новые идеалы «аргентинской нации и аргентинского гражданина», предназначенные для народных масс. Этот идеал сочетал в себе идею нации и аргентинского гражданина с определенными классовыми, культурными и расовыми, а также гендерными характеристиками. Образ аргентинского гражданина воплощали прежде всего белые мужчины из состоятельных слоев населения (или по крайней мере «образованные»). Определить подобный образ Аргентины означало предоставить элите руководящую роль в национальной жизни: именно ее представители были действительно «цивилизованные», «образованные», «достойные», «благородные», поэтому и судьба родины должна была быть вверена в их руки. Народные массы, безграмотные низшие расы, должны были безоговорочно подчиниться их верховенству.

³¹ Razas Humanas (colección La Escuela Moderna, Serie Elemental de Instrucción Primaria).– Buenos Aires: Cabaut, 1913. –P. 29; El Trabajo (misma colección).– 2da ed.– Buenos Aires: Cabaut, 1916.

³² Urbanidad y Cortesía (colección La Escuela Moderna, Serie Elemental de Instrucción Primaria).– 7ma ed.–Buenos Aires: Cabaut, 1917. – P. 3,4, 8, 20, 31, 40.

Жизнеспособность аргентинского государства зависела от его способности возвысить толпу до народа (особенно после того, как участие мужчин в избирательном процессе стало всеобщей практикой). Как и любое другое, аргентинское государство до и после демократических начинаний, применяло две стратегии: патерналистскую, «педагогическую», основанную на просвещении и обучении, и жесткую, репрессивную, с применением открытого насилия в отношении различных групп населения. Обе, тем не менее, интенсивно использовали формы насилия против низших классов: эффекты символического насилия через приобщение к «цивилизации» тоже должны учитываться. В этой работе мы рассмотрели только один аспект: «образовательную» стратегию, которая осуществлялась через обучение нормам гражданской морали в школах. Применение политического насилия со стороны аргентинского государства, направленное против своего же народа, может рассматриваться отчасти, как неэффективность или ограниченность используемого им «педагогического» ресурса.

При сравнительном анализе процессов формирования государства зачастую возникает искушение принять за модель европейский (западный) вариант. Европейская модель государства с такими характеристиками, как стабильность, законность, обезличенное управление, часто вступает в противоречие с тем же процессом формирования государства в периферийных районах мира, имеющих свои формы и тенденции, которые зачастую рассматриваются как отклонение от установленных норм, как неспособность этих отсталых народов приобщиться к избранному стандарту. Этот двойной концептуальный подход позволяет воспринимать разницу между простым жителям территории и «правильным» субъектом государства только в случае «отклонения от европейского стандарта», поскольку сам «европейский стандарт» предполагает отсутствие такого различия. Наличие развитого «гражданского общества» предполагает более развитые государственные нормы. Цель любого социального государства, будь то в Европе или на периферии, осуществить это разделение между «абстрактным народом» и конкретными народными массами в стремлении адаптировать эту толпу к своему идеалу.

Претендуя на универсализм, либеральная идеология провозглашает, что каждое человеческое существо является в принципе частью политического сообщества, которое его представляет, однако существует еще некий подразумеваемый «антропологический минимум». Этот минимум предполагает способность государства

продемонстрировать свои «рациональные» или «гражданские» позиции³³. Государственные структуры вырабатывают определенную модель поведения и исправляют возникшие несоответствия. Использование насилия в большей или меньшей степени зависит от относительной разницы между этим «антропологическим минимумом», необходимым для создания «народа» и реальным составом населения, которое государство пытается организовать в соответствии со своими законами (а также и от степени срочности, с которой необходимо реализовать эту адаптацию).

Сами концепции, в соответствии с которыми мы понимаем термины государство, гражданство, цивилизация, частное - общее и т.д., как это показал постколониальный период, представляли имперский, европоцентристский цивилизационный проект, поскольку он ставил на более низшую ступень неевропейцев, которые, вследствие их «дикости и отсталости», бедности, невежества и т.д., были неспособны превратиться в суверенные субъекты³⁴.

В случае периферийного варианта наличие этнических или расовых аспектов, связанных с проектами строительства гражданского общества, может сыграть обратную роль, направив те же формы самобытности и сопротивления против «цивилизаторских» усилий государства. По мнению Эрвина Гоффмана, иногда субъекты, выступающие с расовыми и этническими призывами, превращают их порой в лозунги и политику, идущую вразрез с образом того народа, которое государство пытается создать, вынуждая его изменить свои лозунги и даже свою собственную структуру. Из всего вышесказанного следует, что при сравнительном анализе формирования государства - с точки зрения строительства гражданского общества - следует избегать предвзятых точек зрения, разделяющих европейские и неевропейские реалии, а сосредоточиться на изучении таких показателей, как:

1) степень различия между местными реалиями и идеалом (чаще всего европоцентристским) гражданина, с помощью которого элиты стремятся обеспечить политический суверенитет;

³³ Mehta U. S. Liberal strategies of exclusion?// *Politics and Society*. – 1990. Vol. 18. – P. 427-454.

³⁴ Ivison D. *Postcolonialism and Political Theory*/ Brydon D.(ed.): *Postcolonialism: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies*.—London & New York: Routledge, 2000. Vol.V. – P. 2026; Fieldhouse J. *Europe's Mirror: Civil Society and the Other*, tesis doctoral inédita.– L.: University of British Columbia, 1997.

2) интенсивность давления, которое в определенный исторический момент ведет к превращению толпы в народ (нужно учитывать как мощное давление мировой системы, так и готовность национальной элиты воспользоваться им);

3) характеристика толпы, которая является предметом государственной политики (в частности, ее способность выражать себя как политический субъект и действовать как гражданин).

Исследуя аргентинский вариант, мы показали деятельность национальной элиты, которая в XIX веке стремилась создать государство для того, чтобы воспользоваться возможностями, которые давала экспансия мирового капитализма. Мы отметили непреодолимые различия, существовавшие между «народом», который элита стремилась создать, и реальными жителями страны. Политика истребления коренного населения, иммиграция европейцев, а также обширная программа «нравственного и гражданского образования», которые мы проанализировали, не привели к ожидаемому результату. Идеал гражданина, который предполагалось создать, имел явные расовые признаки, хотя и несколько завуалированные. Хотя в Аргентине не возникли народные движения, которые носили откровенно расовый характер, мы можем все же встретить некоторые элементы этого в движении перонизма и в некоторых других случаях; эта тема присутствовала также, хотя мы не говорим об этом в данной работе, и в интеллектуальном движении, которое в то время подчеркивало значение и роль креольского, метисного и плебейского населения в противовес евроцентристским критериям.

(Перевод с испанского языка – Ивкина Л.А.)